

Сын легендарного героя

Было 2 часа ночи. Перед началом прорыва немецкой обороны командир артиллерийской бригады полковник Чапаев прибыл на батарею дивизиона, которым командовал Абрамян. Батарея должна была нанести решающий удар в самое сердце немецкой обороны, где был намечен центр прорыва.

Один из артиллеристов, пожилой, сутулый боец Иван Иванович Журин, подойдя к полковнику, попросил разрешения обратиться к нему.

— Мы с вашим батюшкой с Васильем Ивановичем Чапаевым обоюдно служили. Как пошли из Вязовки в гражданскую, так и вплоть до Урала-реки воевали...

Старый, бывалый солдат внимательно вглядывался в лицо молодого полковника, словно искал знакомые черты Чапаева-отца.

При упоминании имени отца и родной, милой сердцу Вязовки, далекого степного села Пугачевского уезда, лицо полковника осветилось доброй улыбкой. Он пожал руку бойца и, взглянув на часы, направился к землянке связистов.

Утро прорыва было туманное и мгlistое. По сигналу заговорили орудия. Чуть наклонившись вперед у бруствера окопа, Чапаев слушал работу своих орудий. Воздух содрогался от тяжелого гудя снарядов, которые шли по точным адресам. Двумя мощными огневыми залетами, словно молотами страшной силы, обрушились орудия на немцев.

Первая часть задачи решена. Немецкая оборона была прорвана. Пехота начала бросками врываться в траншеи немцев. Артиллеристы Чапаева снялись с позиции и в то время, как одни батареи вели огонь, другие двинулись вслед за пехотой.

Полковник на машине об'ехал поле боя. Земля еще дымилась. Там, где были отмечены прямые попадания, чернели развороченные немецкие доты, вражеские орудия нелепо уткнулись в землю.

— Честенько! Очень мило! — сказал командир дивизиона Абрамян.

— По-чапаевски! — прозвучал голос Ивана Журина.